

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Σημειώσεις

ΤΡΥΦΔΥ ΠΟ
ΣΗΜΕΙΩΣΕΙΣ
ΣΥΣΤΗΜΑΤΑ 25

холмы скажут, горы тают как воск и исчезают <...> все естество приходит в движение перед лицом своего Знителя <...> Такова долженствует быть совершенная ода⁵. То есть «совершенная ода» — это ода, выключенная из истории и политики, воспроизводящая лишь «одический космос»: структуру художественного пространства, за которой стоит система основных категорий и идеологических констант оды. В основе такого отношения этих двух жанров (оды и переложения псалма) лежит широко распространенное представление о том, что политическое бытие, как установленное свыше, как форма бытия Бога является слепком космоса.

Обратимся к переложению псалма 103 Ломоносова. Автор, следуя оригиналу, описывает сотворение мира. Движение вод занимает в переложении большое место и знаменует исходную и основную форму бытия мира. Такая интерпретация псалма 103, как уже неоднократно отмечалось, имеет естественнонаучный характер⁶. Это хорошо видно, например, при сравнении ломоносовского переложения с естественнонаучным трактатом современника Ломоносова профессора Семёна Котельникова: «Преуведомительное вышнего смотрение и премудрость и из сего ясно познается, что он и *восхождение паров самое важное, до разрушения тел на их первоначальные части, и до продолжения бытия оных касающееся, действия природы, презрядным и самым кратким способом учредил. Создал моря, горы, леса, разные в воздухе движущиеся животные, в разных местах разную теплоту земли, подземный огонь, огнедышущие горы, холодные и теплые источники <...> да притом сделал воздух упругой, так что все помянутая вещи в нем разные произвесть движения к восхождению паров потребны суть»⁷.*

Водоворот (восходящие пары и проливающаяся дождь) является и в ломоносовском переложении псалма 103 основной и неизменной формой «бытия природы» (в дальнейшем мы еще обратимся к формулам, характеризующим символическое значение «состояния вод», таким как «игра природы» и «натуры пресекася труд»).

Кроме значения «бытие природы», «водообмен», движение вод символизирует в тексте Ломоносова контакт верхнего и нижнего миров. Аналогичное значение получают и другие формы вертикального движения в псалме 103:

Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаяся над нами, <...> (движение вверх)
Их воля твой единый взгляд,
От запрещення мутятся, <...>
Лишь грянет гром твой, вниз шумят. (движение вниз)

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ЛОМОНОСОВА

Е. А. Погосян

Символика ломоносовской оды чрезвычайно разнообразна. В последнее время она все более привлекает внимание исследователей¹. Сейчас уже многое известно о происхождении тех или иных эмблем и символов в одах Ломоносова, об их отношении к европейской одической и русской традициям.

Задачей нашего исследования будет попытка описать систему значений эмблем и символов в панегирической поэзии Ломоносова, то есть осмыслить все разнообразие этой символики как единую картину мира оды, за которой стоит комплекс политических и философских представлений Ломоносова.

При таком подходе ода может быть описана как идеальная политическая модель. Такая модель, описывающая государство, строится как пространственная (при этом формой перенесения реального пространства Российской империи в условное может служить, например, географическая карта)².

В ломоносовской оде в качестве такой идеальной политической модели выступает условный одический пейзаж, все элементы которого (горы, реки, долины, леса и т. д.) иерархически соотносены и означены³. Одним из центральных элементов этого пейзажа являются водоемы и источники. Эту группу символов (среди них — «бурное море», «спокойное море», «разливающаяся река — Нил»⁴, «фонтан», «болото» — символы широко распространенные, имеющие устойчивое общекультурное значение) Ломоносов активно использует при описании царств состояния вод.

«Водяная» символика встречается не только в одах Ломоносова, но и в его переложениях псалмов. Это не случайно. В «Рассуждении об оде вообще» В. К. Тредиаковский указывает на псалмы как на образец «совершенной оды»: «Псалмы нечто есть иное как токмо оды <...> В них реки возвращаются вспять к своим источникам, моря расступаются и убегают,

Отметим, что гнев Бога не разрушает контакта, а является одной из форм этого контакта (дождь проливается от гнева Господа).

Восходят горы в высоту... (движение вверх)
Ничем бы вниз не преклонились
Опрочь твоих безмерных сил. (движение вниз)
Из гор в долины льешь ключи... (движение вниз)
Эти ключи «наполяют» все живое и в ответ птицы
Возносят пение и свисты...⁸

Мир, находящийся в постоянном движении, которое обеспечивается контактом с небесами, Ломоносов описывает как «мир в состоянии чуда», например, в переложении псалма 143:

*Склони, зикждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса (196);*
такое же описание встречается и в одах, например:
О коль к нам склонны небеса!
О коль преславны чудеса! 156)

Чудеса в ломоносовской поэзии не нарушают законов природы, а, напротив, являются их исполнением.

Итак, бытие и движение мира природы регулируется контактом с Богом. Этот же контакт регулирует политическое бытие в одах Ломоносова.

В своих одах Ломоносов описывает разные типы правления как различное состояние вод в условном одическом мире. Однако, надо иметь в виду, что правление одного и того же монарха может быть по-разному осмыслено в одах разного времени (как произошло с Анной Иоанновной, Петром Фёдоровичем). Кроме того, торжества, которые должны были быть воспеты в одической форме, составляли своеобразный «годовой цикл политических переживаний». Так, восшествие Елизаветы на престол праздновалось осенью и описывалось в одах непременно как борьба с бурями, что знаменовало начало царства; коронавание и тезоименитство праздновались весной и описывались как торжество мира и благоденствия, при этом актуализировался совсем иной комплекс представлений.

Исходное хаотическое состояние государства в одах Ломоносов описывает как «бурю на море», оно близко по значению исходному космическому хаосу. Описание вечности дает пример такого хаоса:

По правде вечность есть пространный Океан,
Что вихрям завсегда на колебание дан <...>
Кто рока злобного в пучине погружен... (230)

Таким образом у Ломоносова описывается и мир «до сотворения», и государство «до начала политического бытия». Описание такого мира (царства) включает следующие компоненты: бурное море, ужас, волны, стремящиеся разрушить небеса, хаотическое движение (волны ударяют в волны, горы в громы, тучи в тучи), горы сравниваются с землей (то есть разрушается контакт с небесами), это же значение получает и дым, застилающий солнце. Такая картина символизирует в одах Ломоносова «разрушение чина природы». Чудо же для Ломоносова состоит в соблюдении чина природы (творит натура чудеса) и противоостоит хаосу.

Описание такого дополитического бытия находим, например, в «Оде на день восшествия на всероссийский престол...» 1746 г.

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стемнела от зыбей,
И вихри в вихри ударялись,
Что тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном (107)⁹.

Олицетворение сил, приводящих мир в такое хаотическое движение в одах Ломоносова — это «исполины»:

Я духом зрю минувше время,
Там грозный злитися исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить природы чин!
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает
И в твердь сквозь облака разит (107).

Для того, чтобы преодолеть хаос, нужно восстановить контакт с небесами. Но это оказывается контакт с гневующимся Богом (Бог в гнев заливает землю водами, но не «отворачивает»). Такое состояние государства у Ломоносова последовательно связывается с Петром. При этом для описания деятельности Петра I актуализируется мифологема «Ной, борющийся с потопом» и важная для Ломоносова формула, приносимая от лица Господа:

Я в гневѣ россам был творец... (86)

При описании такого состояния государства в одах Ломоносова используется устойчивый сюжет: монарх пересекает море на корабле и тем самым успокаивает бурю.

Этот сюжет восходит к эпической поэме эпохи классицизма, он же организует повествование в поэме Ломоносова «Петр Великий». Образцом для классической эпопеи служила «Энеида» Вергилия, она особенно важна для Ломоносова, в поэзии которого сама картина бурного моря может служить отсылкой к истории Энея. Так, в трагедии «Демофонт» один из героев описывает прибытие Демофонта во Фракию следующим образом:

Внезапно солнца вид на входе стал багров
И тусклые лучи казал из облаков.

От берегу в дали пучина почернела,

И буря к нам с дождем и с градом налетела.

Напала мгла как ночь, ударил громный треск,

И мрачность пресекал лишь частых молний блеск.

Подняв седьмы верьхи, стремились волны яры,

И берег заревел почувствовал удары.

Тогда сквозь мрак едва увидеть мы могли,

Что с моря буйный вихрь несет к нам корабли,

Которы лютость вод то в пропастях скрывает,

То, вздернув на бугры, порывисто бросает;

Раздранны парусы пловцы отдав ветрам

Уж руки подняли к закрытым небесам.

Мы чаяли тогда Енеева прихода

С остатками Троян, несчастного народа ¹⁰.

Для героев трагедии, наблюдающих эту бурю, «закрытые небеса» (символ которых — закрытое тучами солнце) могут сопровождать лишь прибытие троян, поскольку боги «свой взор от Трои отвратили»¹¹. Однако дальнейшее развитие событий в трагедии показывает, что расстановка сил здесь значительно более сложная, чем кажется героям вначале (так, готовность противостоять гневу богов на стороне Трои грека Демофонта приближает его к цели всякого «царя без царства» в трагедии — восстановление сильного царства).

Этот центральный сюжет эпической поэмы свертывается в оде до эмблемы, которая вводится в текст как описание бури и получает весь комплекс значений путешествия монарха (в т. ч. обретения знания, недоступного смертному и преодоления испытаний, после которого монарх получает способность положить начало новому великому царству также, как Эней в результате странствий становится основателем Римской империи).

В поэзии Ломоносова роль основателя империи получает Петр I. И поэтому всякий раз, когда описание преодолена буря возникает в одах Ломоносова в связи, например, с Елизаветой, обязательно появляется и параллель с Петром. Так, в цитированной выше оде:

Великий Петр из мертвых встал!

Мы пройдем с ним сквозь огонь и воды,

Преодолим бури и погоды,

Поставим грады на реках <...>

На грозных станем мы валах (108).

На смену буре — царствованию Петра I приходит новое состояние вод — спокойные воды (часто это река, возвращающаяся в свой берега). В рамках символического ряда «Петр — Ной» это описывается как прекращение потопа (при этом имя Елизавета осмысливается как знак завета — радуга). Другой вариант описания такого состояния государства — приход весны:

Но как между стихий с зимой минет война

И нам является прекрасная весна...

(на смену буреям приходят зephyры, которые)

Велят <...> упасть волнам,

Ведут суда в моря и земледельца в нивы (222).

За прекращением бури (или возвращением разлившейся реки в свой берега) следует в одах описание возобновившихся полевых работ, возникает мотив взращивания «райского сада». Этот сад символизирует «государство-рай». Устойчивый признак государства такого типа — преклоненные небеса («к нам щедро небо преклонилось»), которые знаменуют контакт с теперь уже не гневающимся Богом. В цитированной выше оде «государство-рай» описывается как весенний пейзаж, центральным элементом которого является «сток великая река», которая «жаты щедро богатит». Навстречу преклонившимся небесам поднимаются горы, к ним устремлены молитвы подданных, чьи голоса «восходят хвалою».

Такое государство — отражение небес (или рая) в спокойных водах:

Когда пучину не смущает

Стремление насильных бурь,

В зеркале жидком представляет

Небесной ясности лазурь (167).

При описании спокойных вод, отражающих небеса, Ломоносов часто использует формулу «игра волн» в значении, близком к «игре природы» или «труд природы». «Труд природы» как форма непрестанного движения мира является в поэзии Ломоносова важным атрибутом «государства-рая», где

... все, что видимо в богатом естестве
Живет и движется в труде и торжестве (248).

По признаку непрестанного движения «государство-рай» противопоставляется типу царства, которое тоже описывается как «спокойные воды». Но здесь эти воды символизируют мир, от которого отвернулся Бог: движение в таком мире прекращается, «спокойные воды» становятся символом смерти — болотом.

Такой тип состояния царства возникает у Ломоносова при описании гибели Петра I:

Взглянуть на небо — не сияет;
Взглянуть на реки — не текут,
И гор высокость оседает;
Натуры всей пресекае труд (157).

Оседающие горы и не сияющее небо — символическое описание разрушившегося контакта с Богом, что и ведет к оставке «труда природы».

Такое же состояние мира и царства Ломоносов связывает с длительным женским правлением (или, что то же самое, — с длительным пребыванием мира с состоянии «рая»):

Мы, кротости богинь навывкнув
И в счастье ими данно вникнув,
Судьбину тщимся отратить <...>
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам (170).

В результате «ослабы» (в оде имеется в виду неспособность вести войны) при женском правлении мир приходит к остановке всякого движения (спокойно текущие воды, оставившись, превращаются в болото):

Чтоб в недрах мягкой тишины
Не завели водам равны
Что вокруг защищены горами,
Дубравой, неподвижно спят
И под ленивыми листьями
Презренный производят гад (159).

«Гад», который завелся «в недрах мягкой тишины», у Ломо-

носова имеет и другое название — это «ядовитый крокодил», которого «питал собою тучный Нил»¹².

Как известно, «тишина» в одах Ломоносова является устойчивым атрибутом Елизаветы Петровны и характеристикой ее правления. В стихотворении «Правда ненависть рождает» Правда, как уже было указано Модзалевским, несет обычные для оды Ломоносова черты Елизаветы Петровны (в том числе «тишина» — «Богиня по всему и тишину приводит» — С. 456). Ненависть же является в облике крокодила. Таким образом, Правда, которая «во чреве носит плод» — «ядовитого крокодила», и болото, где «в недрах мягкой тишины» обитает «гад», являются эмблемами-синонимами. Обе они обусловлены раздумьями Ломоносова о необходимости непрестанного политического движения (что особенно ярко отразилось в одах конца 50-х годов), а также осмыслением современности, с одной стороны, как идеальной формы состояния государства («рай»), но, с другой стороны, как остановки исторического движения, которое необходимо возобновить.

В этом контексте понятным становится появление в одах Ломоносова 1759—1762 годов мотива восхваления войны. Как известно, доминирующая тема од Ломоносова — тема «тишины», прославление мира, расцвета торговли и наук, так называемый «экономизм». Тем парадоксальней звучат слова оды 1761 года:

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила <...>
Война плоды свои растит,
Героев в мир рождает славных... (159).

Тема эта реализуется в одах указанного периода и в форме агрессивных призывов к войнам на востоке.

Обоснование войны для Ломоносова не случайно. В зависимости от состояния царства война может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Если от разрушающей бури государство приходит к состоянию покоя и превращается в «рай», естественно, появляется тема осуждения войны. Но если современное состояние государства Ломоносов описывает как «болото» («пресечение труда природы»), то, поскольку необходимо привести мир в движение, в одах Ломоносова возникает тема восхваления войны. Например, в «Надписи на день тезоименитства...» 1753 года:

Производить плоды природно только лету
И кроткий мир един дает богатство свету.
То правда надлежит и зиму тем хвалить,

Что может суровство повертний отвратить
И вредны умертвить в лесах и нивах гады;
Подобные дает счастлива брань отрады (222).

Ломоносов последовательно оценивает войну как возвращение мира из-под власти Разума во власть случая, «счастья», даже и тогда, когда она является толчком для возобновления исторического движения:

Велико дело в том, чтоб чисто побеждать,
Но более того всегдашний мир держать.
В победах надлежит полкам большая доля,
В победах счастью почти дана вся воля
Сложной мир хранит одна премудра власть,
Не может войску быть, ни счастью в том часть (222).

Исходный политический хаос, как уже указывалось, «рока злобного в лучину погружен», Ломоносов описывает его как уничтожение храма Премудрости:

Там буря искры завивает,
И алчный пламень пожирает.
Минервин с громким треском храм!
Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низ к трепещущим ногам! (122).

Если «рай» в одах Ломоносова — это отражение небес в «спокойных водах», то в приведенном отрывке мы имеем дело с перевернутой формой отражения: политическое хаотическое состояние государства и мира Ломоносов описывает как отражение небесами этого хаоса («Как медь в горниле, небо рдится»), при этом «медные небеса» имеют значение «затворившихся», «непрозрачных» небес, символизируют отвернувшегося Бога.

В ту же власть рока, в которой находится «дополнительный хаос», возвращает мир из власти Разума война, даже если она необходима для приведения мира в движение и возобновления труда природы. Прогностику хаосу мира, погруженного в пучину «злобного рока», может только премудрый монарх. В одах Ломоносова эта идея воплощается в описании бурного моря, которое монарх пересекает и тем самым укрощает бурю. Торжество «премудрой» власти ведет мир к восстановлению контакта с небесами.

В контексте описанных размышлений Ломоносова совершенно закономерным становится обращение его к оде

Ж.-Б. Руссо «Счастье, которое венчает» и создание перевода «Доколе, счастье, ты венцами...» (1759 год). Здесь противопоставляются «герои совершенные», которые «премудростию в свет даны», и «герои», рожденные «роком неправедным», счастьем (это счастье ложными лучами славы ослепляет разум). Первые связаны с миром и постоянством, вторые — с войной и непостоянством, при этом счастье может изменить не только злодею, но, что особенно важно для Ломоносова, и «венчанному Сократу» (такая перемена в рамках концепции Ломоносовской оды ведет к превращению идеального государства — «рая» — в «болото»).

Героям, торжество которых основано на благосклонности к ним счастья, Фортуны, противопоставляется Эней. Он, благодаря своей «премудрости», способен «счастье преодолеть»:

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,
Премудрость! чрез твои законы
Он выше рока и богов (436).

Утверждение нового царства, преодоление божественного гнева и подчинение мира разуму — комплекс символических значений царствования Петра I у Ломоносова, эмблемой которого является бурное море, пересекаемое монархом. «Вечность» в поэзии Ломоносова однородна и может быть заполнена событиями разного качества:

Взирая вечности на зданье обширно,
На множество веков, на житие всемирно,
Мы видим разность дел со разностью лет:
Там брань горит, там мир возлюбленный цветет,
Там веки, ясностью учений просвещенны,
То в мраке варварства глубоко погруженны; <...>
Син неравности прилежно рассуждая,
Зрим ясно, от чего премена таковая.
Монархов милости, премудрость, бодрый дух... (225).

От монарха зависит, какой будет история — он носитель «премудрости» и, главное, «бодрого духа». Бодрость Ломоносов связывает с тем, что царство, которое созидает такой царь, молодое, «новое». Постоянное использование Ломоносовым таких идиологем, как «мир в состоянии чуда», утверждение связи состояния царства со «склоненными» или «несклоненными» небесами и описание состояния мира через «состояния вод» демонстрирует актуализацию комплекса представлений, который условно можно назвать мифологией молодого «нового» царства и который формируется на основе использования образов и тем ветхозаветной истории.

Среди важнейших для этого комплекса символических значений — идея отождествления России с ветхозаветными юными народами: Россия описывается у Ломоносова как молодое царство, молодой мир. При этом контакт с небесами зависит не от того, гневается или не гневается Бог, а от состояния царства. Эти идеи, по всей вероятности, принадлежат и политической мифологии французского классицизма. Примером может послужить трагедия Расина «Гофолия». Она написана на ветхозаветный сюжет и вся проблематика ее сосредоточена вокруг идеи осуществления царской власти в ситуации, когда даже жрецы уже не слышат голоса «Ветхого Днями» над ковчёмом — то есть в момент, когда царство перестало быть юным.

Петр I, которого Ломоносов сопоставляет с целым рядом ветхозаветных правителей, получает важнейшие качества этих правителей — бодрость, способность быстро передвигаться и внезапно появляться среди врагов. Он «как Наввин иль Самсон стремится».

Все значения, которые группируются в поэзии Ломоносова вокруг понятия «новое царство», формируются уже в панегирической литературе петровской эпохи и широко используются в культуре придворной эмблематики на протяжении всего XVIII века. Приведем некоторые примеры¹³.

Как уже было указано, литература петровской эпохи широко использует ветхозаветную историю. Описание правящего монарха как ветхозаветного царя (Самсона, Давида, Моисея, Соломона и др.) достаточно широко распространено. Обратимся к сочинению преподавателя славяно-греко-латинской академии Исакия Хмарного «Драма о Езекии царе израильском», написанному в 1728 году. Автор пьесы использует историю Езекии для описания царствования сразу двух монархов. Езекия в пьесе — это, во-первых, Петр Великий: «Россия на престоле благодарит Бога со сынами росскими, яко ей даде Бог второго Езекию, прекрепкаго в брани, Императора Петра Великаго»¹⁴. Во-вторых, это Петр II: «О новом и втором Езекии, Государе <...> Петре Втором»¹⁵.

Пьеса состоит из двух действий: первое действие посвящено истории Езекии, второе повторяет этот же сюжет для описания событий русской истории. Пьесе предпослан риторический пролог и аллегорический антипролог, где варьируется та же тематика утверждения благополучного царства (мира). При этом в какой бы форме указанная тематика ни развивалась, автор регулярно использует уже рассмотренную нами политическую эмблему «бурное море». Так, в прологе корабль в волнах противопоставляется стоящему на берегу кедру, до которого волны не достают: «кто здорового разума на море многоволненного и пеннистого Окияна свирепости добр и

утвержден якорь имея разум от малопомощных <...> горювидных ветров в корабли плавающи возносим и низреваем семо и овамо бывает, кии глаголю превысоки на горе стоящ прямовидно велики кедр ливански от огнезрачного, гореноснаго, лучами по всей вселенной разливающегося солнца не озарен и осияем бывает»¹⁶. Корабль, противостоящий буре благодаря «якорю разума» освещен «гореносным» солнцем божественного покровительства. Ливанский кедр не достигим для бури, но и «не озарен» солнцем. Буря, символизирующая испытание (это испытание может пройти лишь имеющий «якорь разума»), является в пьесе и знаком благосклонности Бога. Пространственная же близость к небесам «ливанского кедра» близка по значению к поведению ломоносовских «исполинов»: они разрушают «чин натуры», громоздя горы на горы, чтобы достичь небес. Важным представляется и еще один аспект противопоставления двух описанных символов: кораблю в бурном море автор приписывает признак непрестанного движения вверх и вниз («возносим и низреваем»), ливанский же кедр неподвижен («прямовидно стоящ»). Это противопоставление, как уже было показано, особенно актуально для ломоносовской оды.

Для описания истории Езекии автор пьесы использует эмблему «бурное море» следующим образом: возносящийся «паче ливанского кедра Навуходоносора, вавилонского царя» царь Сенарахим «со всеми его вои, аки олаво тяжко, в воде зельне — или, да паче реку, второго древности возносящегося Фараона в водах морских — потоги, погрузи». Езекия же «не токмо верую твердою», но и благодаря «угаенному» «всеядящему Предуведению Божию» обретает «мира сего Фортуны благии»¹⁷. В этом отрывке эмблема «ливанский кедр» обозначает уже целый ряд исторических персонажей (и ситуаций): Навуходоносора, Сенарахима и Фараона египетского. Их них тронх лишь история последнего включает эпизод, связанный с пересечением моря. Однако символически все эти персонажи «аки олаво тяжко» не могут преодолеть «вод морских». То есть в этом отрывке мы снова находим противопоставление эмблем «ливанский кедр» и «корабль в бурном море» при описании царской власти.

Эмблема «бурное море» используется в пьесе и для описания политического бытия России. Россия «аще и не без волнения сетованных волн, иже иногда корабль радости твоея, корабль корысти, утехы <...> уничтожится, в нем же вся доброты твоя быше <...> и до днесь не бе змушчения пребывает по отце твоем благодетеле: по Петре Первом»¹⁸.

Таким образом, мы видим, что не только мифология «нового царства», но и важные для Ломоносова эмблемы, с ней

связанные, подробно разрабатываются в литературе 30-х гг. XVIII века.

Как известно, реконструкция значения даже широко распространенных эмблем часто оказывается достаточно сложной задачей. Попытаемся с помощью приведенного материала расширить толкование некоторых эмблематических текстов.

Н. В. Васильев в книге «Старинные фейерверки в России», рассматривая гравюру с изображением фейерверка, который был сожжен 1 января 1705 года, комментирует ее следующим образом: «Было дано изображение на сюжет широко известного в начале XVIII в. библейской легенды о «медном змие». На гравюре, запечатлевшей транспорант, виден столб с «медным змием», торжествующий Моисей и группа избавленных от смерти людей. Очевидно, художник имел в виду показать лишь момент спасения, а не гибели потерпевших бедствие. Смысл аллегории помогают разгадать изображенные на заднем плане городские постройки начала XVIII в. ... Вспомнив при этом начало Северной войны, можно с уверенностью сказать, что указанный транспорант отражал взятие русскими войсками г. Нарвы»¹⁹. На основании слов Петра I из письма о взятии Нарвы: «Где перед четырьмя годами Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил» — Н. В. Васильев интерпретирует подпись к гравюре «Им же уязви, тем и исцели».

Представляется, что эмблема имеет и более универсальный (что не исключает и описания взятия Нарвы) смысл: это отождествление Петра I с Моисеем и рядом ветхозаветных царей, преодолевающих божественный гнев и являющихся основателями молодого царства. В рамках данного мифа божественный гнев — это залог процветания нового царства: гневом Господь уязвляет, но им же и исцеляет.

Близкой к рассмотренной по значению является и другая эмблема, описанная в книге Н. В. Васильева: фейерверк на новый 1720 год. Он представлял «скалу посреди моря, на которой возвышалась фигура правосудия (Фемиды), как ее обыкновенно изображают: с весами в одной руке и мечем в другой. Здесь же надпись: «Помощию ничто успеют»²⁰. Кроме описанных Васильевым компонентов эмблемы укажем, что море бурное, над фигурой Фемиды изображен треугольник — божественный промысел. Васильев интерпретирует описанную эмблему следующим образом: «Эта аллегория намекала на то, что Англия и Франция принудили Швецию прервать начавшиеся было мирные переговоры с Россией. Вместе с тем указанная аллегория говорила, что правда на стороне России»²¹. Такое толкование недостаточно обосновано: неясным остается значение треугольника — божественного промысла, также, как и связь надписи «Помощию ничто успеют» с необходи-

тельными в изображении шведами. Если же рассматривать эту эмблему как синонимичную предыдущей, можно предположить следующее прочтение: Россия (скала в море — широко распространенная эмблема для описания царствования Петра I) «ничто успеет» с помощью Бога, если не преодолеет божественный гнев (буря на море) с помощью «бодрости» и добродетелей монарха (меч и весы). И только тогда, находясь в ситуации «контакта с небесами» (треугольник над скалой), утвердится как богоизбранное молодое царство.

Приведенный материал из области культуры придворной эмблематики позволяет выделить одну из «ядерных» мифологем этого культурного феномена — «новое царство». В связи с этим представляется возможным интерпретировать формулы типа «новый Рим», «новый Израиль» не только как знаки актуализации в культуре придворной эмблематики теории «Москва — третий Рим — третий Израиль», но, учитывая весь ряд городов и царств, которым Россия противостоит как «новая» (Троя, Карфаген, Вавилон, Афины, Венеция, Амстердам, Лондон, Париж и др.), характеристику «новой» можно интерпретировать как типологическую, обозначающую «молодое царство» и включающую все описанные выше признаки.

Оды Ломоносова включают как основные компоненты описанной мифологемы, так и наиболее распространённые ее эмблематические формы реализации. Однако здесь они дополнительно семантизируются, попадая в контекст натурфилософских представлений Ломоносова о необходимости вечного и непрестанного «труда природы», о «чуде» как законе природы, который подвластен «премудрости» и противостоит случаю. Таким образом, один из центральных мифов культуры придворной эмблематики получает в панегирической поэзии Ломоносова вид законченной исторической концепции.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См.: Морозов А. Падение «Готфска Фаётонта»: Ломоносов и эмблематика петровского времени. // *Ceskoslovenska tustitika*, 1972, № 1, С. 23—27; Морозов А. Ломоносов и барокко // «Русская литература», 1962, № 2, С. 70—96 и другие статьи А. А. Морозова; Л. И. Сазонова. От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987, С. 103—125; М. П. Одесский. М. В. Ломоносов и школьная драма // Там же, С. 146—154.
- ² Е. Погосян. «Озрися на страну десную». // В печати.
- ³ Е. Погосян. Сад как политический символ у Ломоносова // Труды по знаковым системам. Т. XXIV, Тарту, 1991, с. 44—57.
- ⁴ См.: М. В. Ямпольский. К символическому водопояду. Труды по знаковым системам. Т. XXI, Тарту 1987, С. 26—41.
- ⁵ В. К. Тредиаковский. Сочинения и переводы. СПб., 1752, Т. 1, С. 281.
- ⁶ И. З. Серман. Русский классицизм. Л., 1973, С. 70.
- ⁷ Речь о восхождении паров на торжественном празднике тезоименит-

ства ... Елизаветы Петровны ... говоренная в публичном собрании Императорской Академии Наук Сентября 6 дня 1758 года профессором Семеном Котельниковым. СПб., 1758.

⁸ М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Л., 1986, С. 194—195. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. (Курсив везде наш. — Е. П.)

⁹ Оседание гор в поэзии Ломоносова имеет значение «пресечения труда природы», например:

И гор высокость оседает

Натуры всей пресека труд (157).

¹⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М., 1959, Т. 8, С. 424.

¹¹ Там же, С. 432.

¹² Прочитванное стихотворение «Правда ненависть рождает» принято помещать в раздел «Стихотворения приписываемые Ломоносову». На авторство впервые указал Л. Б. Модзалевский в работе «Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года. XVIII век. М.-Л., 1959, Сб. 4, С. 45—65). Этой же точки зрения на авторство Ломоносова придерживался П. Н. Берков (См. там же, комментарий редактора к указанной статье).

¹³ Речь идет не о генетической связи ломоносовской оды с той или иной традицией (школьной драмой, панегирической литературой XVII — начала XVIII века), но о принадлежности широкого круга текстов, различных по природе, к культуре придворной эмблематики.

¹⁴ В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903, С. 435.

¹⁵ Там же, С. 453.

¹⁶ Там же, С. 394.

¹⁷ Там же, С. 395.

¹⁸ Там же, С. 396.

¹⁹ В. Н. Васильев. Странные фейерверки в России. Л., 1960, С. 35.

²⁰ Там же, С. 45.

²¹ Там же, С. 45.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Вводные замечания

Ю. М. Лотман

Прежде всего определим понятие «классический период». В истории русской литературы можно выделить эпоху, отчетливо ограниченную как от предшествующего, так и от последующего ее периодов. Обычно историческое изучение подчеркивает динамику и противоречивые тенденции в развитии русской классической литературы. Выделяются периоды романтизма и реализма в их различных, частных проявлениях. Вместе с тем, нельзя не заметить, что русская литература между Пушкиным и Чеховым представляет собой бесспорное единство. Именно так она воспринимается, например, нерусским, европейским читателем, — и это ясно показывает, что несколько обоженный взгляд, выделяющий не частные тенденции, а общую закономерность, имеет обоснование. Можно говорить о культурном пространстве между Пушкиным и Чеховым как о бесспорно едином историческом явлении. При этом можно выделить предшествующий период — между Ломоносовым и Карамзиным, — и период, идущий за окончанием интересующего нас этапа: он начинается с Блока и символистов и продолжается до настоящего времени. В границах этой общей схемы культура и литература между Пушкиным и Чеховым является не только художественной вершиной, не только периодом, когда русская литература становится мировой литературой, но и явлением органического единства. И нас в дальнейшем будет интересовать не смена эволюционных моментов, не полемика, раздирающая современников русской культуры XIX в., а то единое, что позволяет нам выделить этот период как совершенно уникальное и целостное явление в истории как русской, так и мировой культуры.

Второе вводное замечание. Рассмотрение истории культуры как динамического явления подразумевает возможность выде-